

СЕРГЕЙ АБАШИН

Зона молчания, «дело Адылова»: Центральная Азия как советский Другой

DOI: <https://doi.org/10.22394/2073-7203-2023-41-3-4-120-148>

Sergei Abashin

Zone of Silence, “Adylov Case”: Central Asia as a Soviet Other

Sergei Abashin — European University at St. Petersburg (Russia).
sabashin@iea.ras.ru

The article frames socialism in the USSR as a discursive regime and examines how it was changing in the late Soviet years. Using the life story of Akhmadzhon Adylov, the Uzbek manager of a Soviet agrarian company, I demonstrate that in the 1980s this regime underwent an ideological transformation, one of the forms of which was the criticism of Central Asian socialism as the Other. Analyzing various official narratives of Adylov’s successes and crimes, I illustrate how placing Central Asia within the socialist project was a pillar of the universal idea of “socialist progress.” I also show how participation in the Soviet modernization project was seen differently in Central Asia and how the local elites used the vocabulary of progress to negotiate with the Center new ways to transform the local economy and strengthen their decision-making agency. I show how the orientalist critique of the inadequacy of Central Asian socialism, including the repressions during the notorious “cotton affair” in the 1980s, triggered the ideology shift and the attitudes toward socialism as such.

Keywords: Orientalism, socialism, Central Asia, perestroika, cotton affairs.

20 Января 1988 г. в «Литературной газете» появилась статья «Зона молчания», написанная журналистом Владимиром Соколовым¹. В ней рассказывалось о Папском агропромышленном объединении имени Ленина в Узбекистане, которым

1. Соколов В. Зона молчания // Литературная газета. 20.01.1988.

руководил герой социалистического труда Ахмаджон Адылов. Создание этого объединения выглядело, по словам автора статьи, как строительство «царства прогресса», но вместо этого в действительности возникло «традиционное для ханского Востока... царство». То, что раньше считалось социализмом, оказалось «обратным ходом времени». Соколов описывал «колонны самосвалов и шеренги экскаваторов» как искусственную картину, рассчитанную только на пропаганду, в реальности же, по его мнению, в Центральной Азии продолжало существовать прежнее «средневековье». Статья в очень популярной газете, тогда имевшей либеральный, по меркам режима, характер, с тиражом более 5 млн экземпляров, вызвала колоссальный интерес и резонанс. Спустя два месяца об уголовном деле против Адылова было рассказано в телевизионном шоу «До и после полуночи», и теперь история узбекского руководителя стала известной всей советской телеаудитории на десятки миллионов зрителей. В октябре того же 1988 г. об Ахмаджоне Адылове по центральному телевидению сразу после главной информационной советской программы «Время» и небольшого приложения к нему «Прожектор перестройки» был показан двухсерийный документальный фильм «Хроника остановленного времени»². Многочисленным прежним репортажам газет и журналов об успехах Адылова авторы фильма противопоставили образ ориенталистски-экзотического и бедного региона с подневольным трудом и огромной коррупцией. «Он падишахом хотел стать?», — спрашивал журналист, под тревожную музыку превращая метафору «остановленного времени» в приговор центральноазиатскому социализму.

«Дело Адылова» было лишь одним, но самым заметным эпизодом в целой серии уголовных расследований против чиновников Узбекистана в середине 1980-х гг., известных как «хлопковое», или «узбекское», дело. Эта история, получившая общесоветскую известность, рассказывает нам о том, как в момент перестройки, которую инициировал советский лидер Михаил Горбачев, одно уголовное дело в далекой от Москвы Центральной Азии стало поводом и примером для критики всего того социального порядка, который был построен в этом регионе. Эта критика говорила о том, что в этой части СССР так и не удалось построить на-

2. Откиров Равшан. Хроника остановленного времени. Фильм 1 (1988 г.) [https://www.youtube.com/watch?v=_7HngzXtXvQ, доступ от 10.11.2023]; Фильм 2 (1988 г.) [<https://www.youtube.com/watch?v=sp-GfbqZLjU>, доступ от 10.11.2023].

стоящий социализм. Доказательством этому служили не только факты нарушения законов одним чиновником, но и риторическое определение этих нарушений как признаков глубинных общественных процессов. Журналисты и комментаторы убеждали советских граждан, что в Центральной Азии, особенно на селе, до сих пор господствуют отношения, которые можно назвать «восточной архаикой». Ориенталистские клише оформляли образ местного общества как отсталого и остановившегося в своем развитии³. Однако последствия такой критики не ограничивались только центральноазиатским регионом, эмоционально окрашенные описания несправедливости и беспросветности ставили под сомнение значимость прежних признаков социализма: орденов, почетных званий, лозунгов, цифр выполненных экономических и социальных планов. Под ударом критики неизбежно оказался социализм как таковой, публичная критика узбекского чиновника Адылова дестабилизировала ценность социализма в глазах тех, кто жил в советское время.

«Дело Адылова», которое в 1988 г. оказалось в центре общественного внимания всего Союза, вскоре, однако, было забыто, замещено другими громкими скандалами и потрясениями, а потом и вовсе исчезло из поля зрения современников. В исторических исследованиях позднесоветского периода и перестройки этот эпизод почти полностью растворился в «хлопковом/узбекском деле», которое теперь фигурирует либо как малозначительный пример региональной дестабилизации советской экономики и социальной жизни⁴, либо как признак роста националистических настроений в Центральной Азии⁵. Из-за такого переосмысления и даже забвения вопрос о том, почему же «дело Адылова» в какой-то момент приобрело широкую, выходящую за рамки одного региона, известность и какую роль дискуссия о нем сыграла в перестройку в общесоветском масштабе, остался неосмысленным.

3. Caud Э. Ориентализм. М.: Гараж, 2021.

4. Kotkin, S. (2003) *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford University Press; Zubok, V. (2021) *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. Yale University Press.

5. Critchlow, J. (1991) *Nationalism in Uzbekistan: A Soviet Republic's Road to Independence*. Boulder: Westview Press; Beissinger, M. (2004) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge University Press; Cucciolla, R. (2017) *The Crisis of Soviet Power in Central Asia: The Uzbek "Cotton Affair" (1975–1991)*. PhD Dissertation, IMT School for Advanced Studies, Lucca.

Антрополог позднесоветского общества Алексей Юрчак в своей работе «Это было навсегда, пока не кончилось» описывал социализм как дискурсивный режим, после смерти Сталина лишившийся «господствующей фигуры», которая могла извне им управлять. Произошла «гипернормализация» идеологических высказываний, они были стандартизированы и затвердели, превратились в «авторитетный дискурс», в котором сами идеи и ценности потеряли свое значение, а главным стало воспроизводство и копирование определенных моделей репрезентации в виде речевых клише и ритуалов. В результате советская идеология приобрела формализованный догматический характер, произошел, как пишет автор, «перформативный сдвиг», когда регулярное повторение официальных лозунгов и ритуализированных действий стало достаточным, чтобы быть самому и считать кого-то советским человеком, не придавая значения ни буквальному смыслу высказываний и ритуалов, ни тому, что происходит в повседневной жизни за рамками официальных ситуаций. Перформативный сдвиг открыл, таким образом, возможность «для возникновения в советской повседневности огромного числа новых, неожиданных смыслов, способов существования, видов субъектности, форм социальности и типов отношений»⁶.

В своей книге Юрчак пишет, что благодаря такому «перформативному сдвигу» в позднесоветской системе возникло множество неформальных сетей и сообществ — разного рода тусовок, кружков, мест и пространств, отношений и ситуаций взаимодействия, находящихся в состоянии «внеаходимости», т.е. одновременно «внутри риторического поля авторитетного дискурса и за пределами этого поля»⁷. Позднесоветская система, оставаясь идеологически социалистической, тем не менее делилась на разные миры или «зоны»⁸ и постепенно «мутировала», становясь хрупкой. Появление при Горбачеве «голоса внешнего редактора», который мог извне анализировать и исправлять авторитетный дискурс, радикальным образом изменило ситуацию. «Запущенная ими» — то есть Горбачевым и его соратниками — «трансформация авторитетного дискурса нарушила его внутренний структурный принцип», что в итоге привело к краху всей советской системы⁹.

6. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014. С. 71–79.

7. Там же. С. 564.

8. Там же. С. 316.

9. Там же. С. 572.

Схема, предложенная Юрчаком, может быть полезной для анализа «дела Адылова». Дискуссия в 1988 г. о состоянии дел в одном отдаленном районе Узбекистана, вызвавшая внимание и обсуждение во всем советском обществе, представляет собой один из примеров как раз такого слома советского дискурсивного режима и изменения его «структурного принципа». Она сначала поставила под сомнение восприятие советской Центральной Азии как социалистической, а потом и сам социализм как таковой. Здесь я хочу обратить внимание на то, что такой слом произошел в немалой степени благодаря ориентализации центральноазиатской части Советского Союза и в итоге самоориентализации всего советского строя. Исследование Юрчака фокусируется на городских жителях советских столиц и, в частности, отмечает практику создания «воображаемого Запада», которое становится для позднесоветского городского поколения важной «точкой» взгляда на себя и на окружающий мир¹⁰. Я решусь к этому добавить, отсылая к саидовской концептуализации ориентализма, что одновременно с «воображаемым Западом» возникал противоположный ему образ «воображаемого Востока», критика которого позволяла увидеть себя «западным» или недостаточно «западным». Наиболее близким «Востоком» стала/была Центральная Азия — далекая провинция, преимущественная аграрный регион, с иным климатом, иными культурными нормами и внешним обликом. Именно этот «Восток» в момент перестройки позволил, наряду с другими сюжетами позднесоветских дискуссий, очертить внешнюю позицию «господствующей фигуры», которую, по мнению Юрчака, попытался воссоздать генсек Михаил Горбачев, инициировавший новый виток радикальных реформ социализма. Это, на мой взгляд, объясняет такой большой публичный интерес к «делу Адылова».

В настоящей статье я подробнее рассмотрю дискурсивную историю карьеры Ахмаджона Адылова. Я не ставлю своей целью реконструкцию всех событий перестройки, «хлопкового дела» и «дела Адылова». В фокусе моего анализа будет дискуссия 1988 г., ее образы, риторика и их генеалогия. Я намерен показать, как сами действующие лица и свидетели описывали свой и наблюдаемый опыт жизни и трансформаций, какой язык они использовали, как они включали в этот язык слова и объяснения «социалистического прогресса» и «восточной отсталости».

10. Там же. С. 317.

Я предлагаю увидеть, как прочерчивание и дискуссия по поводу ориенталистской границы между прогрессом и архаикой, как это было в случае с Центральной Азией, становились отправной точкой для обоснования успеха социализма или критики его неудачи. Я покажу, что внутри идеи центральноазиатского социализма существовали разные интерпретации как внешнего влияния, так и собственной преемственности. Я также постараюсь показать, как в самой Центральной Азии понималось участие в модернистском проекте СССР, как местные элиты использовали словарь прогресса и его незавершенности для переговоров с центром о новых инвестициях и контроле за ресурсами, как сама двойственность понимания советского модерна в регионе становилась способом распределения власти. Я покажу, и это главный фокус моей работы, как кампании критики неудачи центральноазиатского социализма, в частности «хлопковое дело» в 1980-е гг., сопровождали смену идеологической повестки в отношении социализма как такового.

Социализм, традиционализм, колониализм: академические дебаты

В общей дискуссии о том, чем был социализм в СССР¹¹, особняком стоит вопрос, а был ли построен социализм в советской Центральной Азии. Социалистическая модернизация южных советских республик всегда вызывала еще больше сомнений и оговорок, чем социалистический характер российского общества. В конце 1970-х годов французская советолог Элен Каррер д'Анкосс писала о советском мусульманском обществе как системе, существующей параллельно с советской властью, и предрекала гибель СССР от мусульманского сопротивления¹².

Почти одновременно с разоблачением Адылова советский этнограф Сергей Поляков опубликовал небольшую работу под названием «Традиционализм в современном среднеазиатском обществе», где, используя советский марксистский язык, утверждал, что социалистическая модернизация имела поверхностное влияние на регион, в то время как местное общество по большей ча-

11. Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // Новое литературное обозрение. 2016. № 4. С. 19–44.

12. Каррер д'Анкосс Э. Расколота империя: национальный бунт в СССР. Лондон: Overseas publications interchange LTD., 1982.

сти оставалось традиционным и мелкобуржуазным¹³. После 1991 г. эта точка зрения стала господствующей, полностью сместившись в сторону оппозиции «традиция/современность». В статье «Средняя Азия: незавершенная модернизация» российский демограф Анатолий Вишневский отказался от марксистской терминологии и написал, что, хотя Центральная Азия была втянута в модернизацию Российской империей и СССР, советская «модель ускоренной экономической модернизации» имела здесь «лишь ограниченное применение»¹⁴. Сходные представления о неполной или ограниченной модернизации использовали, например, западные ученые Ширин Акинер и Уильям Фиерман¹⁵.

Иную точку зрения высказала Дениз Кандиоти¹⁶. Она отметила парадоксальное несоответствие оценок советской эпохи. В то время как одни исследователи восхищались результатами освоения «мусульманской периферии», другие полностью отрицали, что советской власти удалось внести какие-либо серьезные изменения в жизнь региона. Согласно Кандиоти, советское развитие было довольно сложным процессом взаимовлияния, в котором советизация местных социальных институтов происходила наряду с локальной обратной колонизацией самих советских институтов. В своей работе Кандиоти заявляет об уходе от дихотомии и желании рассмотреть сложное взаимодействие различных процессов.

Аналогичный критический подход к идее модернизации предложил Артемий Калиновский¹⁷. Указывая на проблематичность терминов «модернизация» и «модерн», он отвергает мысль о «провале» советских реформ. Вместо этого он предлагает обсудить советские проекты «развития» в Центральной Азии и посмотреть, как местные жители активно участвовали в этих проектах, соревнуясь с Кремлем в своем видении и определении «прогресса». Калиновский обращает внимание на субъектность тех, кто подчинен

13. Поляков С. Традиционализм в современном среднеазиатском обществе. М., 1989.

14. Вишневский А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // Вестник Евразии. 1996, № 2. С. 137, 138, 152.

15. Akiner, Sh. (1998) "Social and Political Reorganisation in Central Asia: Transition from Pre-Colonial to Post-Colonial Society", in T. Atabaki, J. O'Kane (eds) *Post-Soviet Central Asia*, pp.1–34. London and New York: Tauris Academic Studies; Fierman, W. (1991) "The Soviet 'Transformation' in Central Asia", in W. Fierman (ed.) *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, pp. 11–35. Boulder, Colorado: Westview Press.

16. Kandiyoti, D. (1996) "Modernization without the Market? The Case of the 'Soviet East'", *Economy and Society* 25(4): 529–542.

17. Kalinovsky, A. M. (2018) *Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan*. Ithaca: Cornell University Press.

европоцентристской логике, на их собственные способы говорить о социалистических трансформациях. О восприятии самими жителями Центральной Азии советского времени с точки зрения локальных контекстов пишет антрополог Тилл Мостовлански¹⁸.

Однако ссылка на местную субъектность не решает вопроса об иерархии и доминировании одних интерпретаций социализма/модерна над другими и их дискурсивном и политическом неравенстве. За характеристики «успех» и «неудача» активно боролись различные акторы в Москве и центральноазиатских республиках, поскольку официальные ярлыки давали доступ к разным ресурсам и определяли их положение в сложной иерархии доминирования и принятия решений. Жители Центральной Азии могли защищать свои определения социализма и советской современности, но эта способность всегда была ограничена риском быть обвиненными или даже репрессированными со стороны центра. Это неравноправие породило новую дискуссию о колониальности советской Центральной Азии, бесправии и подчинении региона внутри СССР, которое порождало особый тип периферии внутри социалистической империи¹⁹.

В своей статье я не буду давать определение тому строю, который сложился в советской Центральной Азии, и не буду оспаривать имеющиеся определения. Я предлагаю рассматривать дихотомию «царство социалистического прогресса/восточное царство» применительно к Центральной Азии не просто как категории для беспристрастного анализа, а как практические категории, идеологическая манипуляция которыми была неотъемлемой частью позднесоветского дискурсивного режима. Я попытаюсь рассмотреть репортажи и рассуждения в советских журналах и газетах о «деле Адылова» и поместить их в позднесоветские нарративы успеха и неудачи, объяснив, как эти нарративы были связаны с текущей политикой перестройки 1980-х годов.

Социалистический прогресс на советской окраине

Итак, вернусь к главному герою статьи «Зона молчания». Его биографию до 1984 г. можно было бы назвать типичным приме-

18. Mostowlansky, T. (2017) *Azan on the Moon. Entangling Modernity along Tajikistan's Pamir Highway*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.

19. Kassymbekova, B., Chokobaeva, A. (2021) "On writing Soviet History of Central Asia: Frameworks, Challenges, Prospects", *Central Asian Survey* 40(4): 483–503.

ром социалистического успеха. Эта биография создавалась в разного рода официальных документах и нарративах, которые рисовали портрет советского человека, личная карьера которого была взаимосвязана с достижениями социализма на отсталой окраине.

Всего за шесть лет до статьи «Зона молчания», в 1982 г., в той же самой «Литературной газете» была опубликована восхваляющая того же самого Адылова (в оригинальной узбекской транскрипции Одилов) статья Дины Калиновской «Закон для мужчин», в которой будущий преступник фигурировал как образцовый советский герой, «муж веселый, дерзкий и добрый, умелый, потому независимый»²⁰. Текст, изобилующий ориенталистскими образами и метафорами о «древней Азии», рисовал его «восприимчивым ко всему новому, всегда готовому к радостному усвоению свежих идей, обуянным жаждой строить и благоустраивать, обуянным горячей заботой о земле». Это стремление к переменам позволило Адылову победить суровую природу и косных чиновников, превратить нежилой пейзаж в обжитое пространство, заполненное полями, домами и стадионами, асфальтовыми дорогами и заводами, иными словами — преодолеть «восточность», или архаику. Ахмаджон Адылов, заканчивает свою статью Калиновская, «коммунист высокой и зрелой души».

В этой статье московская журналистка кратко напомнила о тяжелой и трудовой судьбе Адылова, который рано остался без отца и потерял умерших от голода брата и сестру, а сам прошел, шаг за шагом, путь от простого колхозника, потом табельщика, тракториста до должности директора огромного агропромышленного объединения. Из более поздних источников мы узнаем²¹, что Адылов родился в 1925 г. в Ферганской долине — многонаселенном и плодородном регионе Центральной Азии, который еще с имперского времени и очень масштабно в советское время стал превращаться в огромную хлопковую базу российской/советской промышленности²². В годы правления Сталина он учился и работал на разных низших должностях, при Хрущеве в 1957 г., будучи в возрасте чуть больше 30 лет, был избран председателем (*раис* на узбекском языке) колхоза имени Ленина. Этот момент совпа-

20. Калиновская Д. Закон для мужчин // Литературная газета. 17.03.1982.

21. Ахмаджонов А. Ахмаджон Одилов: мардлик конуни [Ахмаджон Адылов: закон для мужчин]. Тошкент: Bodomzor Invest, 2022 (на узб. яз.).

22. Obertreis, J. (2017) *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*. Göttingen: Vandenhoeck&Ruprecht.

дает с ростом интереса Москвы к положению дел в Центральной Азии и наращиванию проектов развития в регионе. В 1965 г. Адылову было присвоено самое почетное советское звание героя социалистического труда, что означало вхождение в особую когорту советской номенклатуры и избранной местной элиты, которой давался карт-бланш на самостоятельную инициативу.

В 1970-е гг., в эпоху Брежнева, карьера Адылова совершила новый скачок вверх. В 1974 г. колхоз имени Ленина был преобразован в совхоз, а Ахмаджон Адылов в почти 50-летнем возрасте стал его председателем. Смена названия «коллективное хозяйство» на «советское хозяйство» не было формальностью. Оно означало превращение прежнего кооперативного союза с ограниченными ресурсами в государственное предприятие, что открывало новые возможности для вложения теперь уже государственных инвестиций в его развитие. Государство брало на себя дополнительную финансовую и социальную опеку над местным сообществом, а сам раис становился формально назначаемым государственным служащим, еще теснее входящим в разнообразные сети чиновников²³.

В 1978 г. возникает Папское районное агропромышленное объединение (РАПО), генеральным директором которого становится Адылов. РАПО было для своего времени опытным примером новой организации сельской экономики. В него входило 14 совхозов и 17 колхозов, а также местные строительные и небольшие промышленные предприятия. Такое объединение продолжало идею усиления государственного контроля и ответственности, стирания границ между колхозами и совхозами. Оно позволяло централизовать еще больше материальных и людских ресурсов, планировать крупные региональные проекты, складывать технику и рабочие силы, перебрасывая их из одного хозяйства в другое, устанавливать общие социальные стандарты для населения. Параллельно с реорганизацией рос и бюрократический статус Адылова, который успел побывать членом Центральной ревизионной комиссии КПСС, делегатом трех общесоюзных съездов КПСС, депутатом Верховного Совета СССР, избирался депутатом Верховного Совета Узбекской ССР.

Эксперимент по созданию агропромышленного объединения, поддержанный Ташкентом и Москвой, должен был стать моде-

23. Абашин С.Н. «Идеальный колхоз» в советской Средней Азии: история неудачи или успеха? // Acta Slavica Iaponica. 2011. vol. XXIX. С. 1–26.

лю для новых преобразований в советской экономике в целом и запустить новый этап экономического и социального подъема. Концентрация ресурсов под единым управлением и создание новых вертикальных и горизонтальных связей поддержки позволяли, как считалось, более успешно развивать село. Критериями успешности РАПО были в первую очередь масштабы освоенных — в Ферганской долине орошенных — прежде пустынных территорий и продукции, которую они давали, прежде всего хлопка. Они показывали высокий уровень и преимущество и технического оснащения, и планирования, и управления, и инвестиционных возможностей.

В 1982 г. Москва приняла «продовольственную программу», в которой районные агропромышленные объединения объявлялись базовой структурой управления агропромышленных комплексов в будущем²⁴. После этого советская пропаганда использовала образ Адылова и его опыт руководства Папским РАПО в качестве примера новых подходов и достижений. В главной советской газете «Правда» появилось целых два очерка об Адылове, в которых перечислялись показатели производительности труда, рентабельности, роста продукции, строительства жилья и социальных объектов²⁵. Тогда же журнал «Огонек» посвятил статью его экономическим успехам, закончив свой панегирик фразой «земледелец должен чувствовать себя на своей земле хозяином... Это значит быть предприимчивым и смелым в выборе путей развития сельского хозяйства»²⁶. В этих текстах 1982–1983 гг., которые зафиксировали пик его советской карьеры и известности, Адылов превратился не просто в символ успешного прогресса, а в символ самого передового, даже по общесоветским меркам, строителя социализма.

Другой социализм

История социалистического прогресса имела свои варианты интерпретаций, которые были важны для локального контекста.

24. Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, 24 мая 1982 г. Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 14. М.: Политиздат, 1983. С. 441–442.

25. Мукимов Ю., Степаненко О. Объединение. Быть на земле хозяином // Правда. 24.01.1983; 25.01.1983.

26. Маслов А. Девять этажей рентабельности // Огонек. 1983. № 34.

В них возникали сюжеты, которые представляли преобразования в виде менее прямолинейной траектории и больше подчеркивали усилия и действия местных жителей, нежели внешнее давление. Некоторые такие варианты встраивались в официальные нарративы, а некоторые существовали в устном виде или в виде маргинальных, широко не распространенных текстов.

В статьях 1982–1983 гг. можно увидеть элементы такой другой логики, в которой вместо обязательной телеологии социализма речь шла о гармоничном соединении природы и социальной организации. Адылов несколько раз объяснял журналистам идею агропромышленного объединения как соединение различных экологических ландшафтов, характерных для Ферганской долины. Он делил подотчетный ему район на девять «слоев», или «этажей», каждому из которых соответствовала своя экономическая ниша: снежные вершины и горы ниже снегов — выращивание яков и ангорских коз, которые дают сырье для пуховых фабрик, ниже — пчеловодство и лекарственные травы, четвертый и пятый «этажи» — лошади, овцы и крупный рогатый скот, что позволяло развивать производство молока, подошвы гор — виноградники и с винодельческими и консервными заводами, полупустыня пригодна для хлопка и здесь должен быть хлопкозавод, ниже в пойме реки — выращивание риса, и на девятом уровне, у самой реки, — рыбное хозяйство. Заводы, дороги и новые поселки появлялись в этой схеме не как результат социалистической переделки окружающего мира, а как наиболее оптимальное сложение сил и приспособление к уже существующим естественным условиям. Не случайно в этом рассказе Адылова появляется «хашар», или коллективный труд «всем миром», характерный с древности для узбекского общества, с его помощью преодолеваются трудности и препятствия.

Местные практики, вроде «хашара», не вступали в конфликт с социализмом, а наоборот, нормализовались в качестве «национальной традиции»²⁷. Последнюю можно, например, увидеть в сборнике «История колхозов и совхозов Узбекистана»²⁸, изданном в 1970 г. и рассказывающем разные истории успеха, в том

27. Исмаилов Х. Хашар и его роль в трудовом и интернациональном воспитании масс // Общественные науки в Узбекистане. 1983. № 2. С. 24–26.

28. Шамшаров Й., Тошматов Т. Камолот (Наманган область, Поп район, Ленин номи колхоз тарихи) [Зрелость (История колхоза имени Ленина Папского района Наманганской области)] // История колхозов и совхозов Узбекистана. Кн. 2, Ташкент, 1970. С. 166–230 (на узб. яз.).

числе и колхоза имени Ленина, где Адылов был председателем в это время. Сборник, хотя и имел официальный характер, но был опубликован на узбекском языке, т.е. обращался к местной аудитории и ее собственным образам, внешний контроль из центра для таких изданий обычно был косвенным и допускал отклонения от основного канона. История успеха колхоза имени Ленина начинается с досоветских и даже доимперских времен, а авторы статьи рассуждают о том, что узбекские коллективистские обычаи «по определению наших дедов, это благое дело (савоб). Эти обычаи в жизни нашего народа укоренились широко и глубоко, стали щедрым обычаем, распространились на другие сферы народного образа жизни»²⁹, именно к ним, по логике изложения, восходит нынешний социалистический прогресс. В сборнике рассказывается биография Ахмаджона Адылова, достижения социализма здесь взаимодействуют с личными его качествами и успехами. Эта узбекоязычная версия советского успеха, обращенная к местной аудитории, а не к Москве, смешивает общесоветский язык с локальным, вписывает «колхоз имени Ленина» в местную воображаемую узбекскую национальную историю, где социализм является не навязанной извне формой, а собственным внутренним совершенствованием, не противопоставляется, а содержит в себе элементы «традиционализма», которые перекодировались в «национальную специфику» и получали таким образом советскую легитимность.

В этой локальной версии важным становится местный статус Адылова и, в частности, роль его отца Адылжана Фазылова. В московских газетах отец упоминается вскользь, писали, что он тоже был председателем колхоза и «умер вдали от родного дома в конце тридцатых». В местной интерпретации эта история становится более развернутой: Адылжан Фазылов предстает советским активистом и одним из пионеров колхозного строительства, сын продолжает эту династию, наследуя качества своих предков. Правда, в этих источниках умалчивается, что Адылжан Фазылов был арестован и расстрелян, а потом, в 1960 г., на волне критики культа личности Сталина при Хрущеве, официально реабилитирован и возвращен в советскую историю. Однако его упоминание в глазах местных читателей также указывало на преемственность статуса раиса, наделяя его дополнительным правом на свою власть.

29. Шамиаров Й., Тошматов Т. Камолот. С. 172.

Другие нарративы социалистического прогресса сегодня приходится реконструировать по отрывочным свидетельствам, они имели в советское время подчиненный характер и использовались лишь в определенных аудиториях и ситуациях. Этот субалтерный взгляд, хотя и отражал локальный взгляд на социализм, не был альтернативным каноническому, не был к нему в какой-то оппозиции, а скорее встраивался в московскую идеологию и контролировался ею, будучи, если использовать терминологию Юрчака, одним из «миров вненаходимости», но не в столичном, а в периферийно-центрально-азиатском варианте.

Теневые механизмы социализма

Вернемся к упоминаемой ранее статье «Закон для мужчин», опубликованной в 1982 г. в «Литературной газете». Она начиналась с обвинений, которые были предъявлены Адылову, в нарушении законов. Не согласовав все документы и не получив разрешение, раис начал корчевку леса на месте, где он задумал обустроить пруды для рыбного хозяйства. Автор статьи, однако, встает на защиту своего героя. Главное, пишет журналистка, «продовольственная программа, первоочередная общественная заинтересованность», формальные же правила сковывают инициативу и не позволяют быстро проводить нужные изменения. Калиновская утверждала, что этот частный случай довольно типичен. «Вы, одиловцы, не любите дисциплины!», — цитирует она распространенное выражение отношения к деятельности Адылова. Нарушение тех или иных формальных норм было часто неизбежным, когда требовалось получение экстраординарных результатов, что ставило руководителей в рискованную ситуацию, так как их действия легко могли быть квалифицированы как растрата или коррупция. Однако очевидно, что такого рода инициативы местных руководителей на разных этапах находили поддержку у вышестоящих чиновников, поощрялись ими. В этом рассказе на помощь Адылову приходит сам первый секретарь коммунистической партии Узбекистана Шараф Рашидов: «Люди! Поддержите Одилова! Я его хорошо знаю... Поддержите его — и он для вас даже на ту гору поднимет воду, слышите?».

Экономика Узбекской ССР формировалась как сырьевой придаток советской промышленности, главным аграрным ресурсом этой южной окраины СССР был хлопок, необходимый одновре-

менно для текстильной и военной промышленности³⁰. Советский центр был заинтересован в расширении производства хлопка и других сырьевых ресурсов, обещая взамен развивать в регионе социальную инфраструктуру. (Юлия Обертрайс называет эту ситуацию обмена сырья на инвестиции «хлопковым контрактом»³¹.) Увеличение производства хлопка требовало постоянной концентрации финансов, инфраструктур и рабочих рук. Это достигалось разными формальными и неформальными инструментами мобилизации и выстраиванием сетей поддержки и взаимных обязательств. Адылов и многие другие центральноазиатские руководители в этой экономике не были пассивными получателями благ и идеологических установок, а имели достаточную автономию для различных инициатив и даже новаций, пользовались и институциональными возможностями, и личными знакомствами для достижения экономических и социальных результатов. Плотные личные связи привлекали инвестиции в экономику, а инвестиции в экономику сопровождались еще и инвестициями в социальную сферу, развитие инфраструктуры, школ, больниц.

«Друзья: рабочие и министры, крестьяне и писатели, — так виетиевато рисовала эту социальную поддержку своего героя московская журналистка, — тот незримый и неведомый капитан, который ведет по жизни каждого талантливое человека, без слов, одним усилием чувства прокладывает ему дорогу между людьми и никогда не ошибается. Интуитивно и быстро разделяет людей на верных и случайных Ахмаджон Одилов».

Адылов имел собственную разветвленную сеть деловых и личных отношений круговой поруки и взаимных обязательств уже не только с районными и областными начальниками, у него было множество контактов с руководителями Узбекистана, он даже вошел в круг близких соратников Рашидова. Его связи выходили за пределы одной республики, он напрямую общался с чиновниками из союзных министерств в Москве и других республик. В одном своем интервью он даже хвастал, что «выпивал с Бреж-

30. Растяйников В. Г. Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996; Rumer, B. (1991) "Central Asia's Cotton Economy and Its Costs", in W. Fierman (ed.) *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, pp. 62–89. Boulder, Colorado: Westview Press; Thurman, J. (1999) "The 'Command-Administrative System' in Cotton Farming in Uzbekistan: 1920s to Present", *Papers on Inner Asia* 32. Bloomington, Indiana: Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies.

31. Obertreis, J. *Imperial Desert Dreams*, pp. 272–276.

невым в Кремле» и «решал дела»³². Такие многоуровневые сети формальных и неформальных отношений помогали обеспечивать принятие тех или иных решений о выделении необходимых средств на новые проекты, включение их в государственные планы, они помогали легализовать задним числом те действия, которые поначалу не соответствовали существующим правилам.

Исследователи советской экономики давно обращали внимание на неформальные аспекты того, как работала советская экономика, на постоянное балансирование на грани разрешенного и наказуемого³³. В работах по Центральной Азии это стало общепринятым взглядом. «Хлопковый сектор, — настаивает антрополог Томмазо Тревизани, — представляющий экономическую основу экономики и основной двигатель модернизации этой более отсталой советской республики (по сравнению с более промышленно развитым европейским ядром), имел особое значение также в отношении распространения неформальных и незаконных практик»³⁴. Такое двойственное положение постоянно требовало специальной работы по объяснению, почему некоторый отход от правил является допустимым, оправданным и в конечном итоге социалистическим. Статьи 1982 и 1983 г. в центральной идеологической прессе в Москве, как и предыдущие подобного типа тексты в различных местных изданиях, служили инструментом легализации инициативных практик Адылова и создавали для этого образ успешного центральноазиатского социализма. Наверняка Адылов и его союзники в Ташкенте и Москве приложили немалые усилия к тому, чтобы такие статьи были опублико-

32. Пахлавон Содик. Ахмаджон Одилов. Чорак асп туткунликда [Четверть века в неволе] // BBC Uzbek. 06.09.2012, http://www.bbc.co.uk/uzbek/uzbekistan/2012/09/120906_cy_ahmadjon_odilov_fooc.shtml (внесен Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов).

33. Grossman, G. (1997) “The ‘Second Economy’ of the USSR”, *Problems of Communism* 26(5): 25–40; Ledeneva, A. (1998) *Russia’s Economy of Favors: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.

34. Trevisani, T. (2022) “The Moral Economy of Consensus and Informality in Uzbekistan”, in J. Buzalka, A. Pasiaka (eds) *Anthropology of Transformation: From Europe to Asia and Back*, p. 109. Cambridge, UK: Open Book Publishers. См. также: Rasanayagam, J. (2002) “Spheres of Communal Participation: Placing the State within Local Modes of Interaction in Rural Uzbekistan”, *Central Asian Survey* 21(1): 55–70; Wall, C. (2007) “Peasant Resistance in Khorezm? The Difficulties of Classifying Non-Compliance in Rural Uzbekistan”, in P. Sartori, T. Trevisani (eds) *Patterns of Transformation in and around Uzbekistan*, pp. 217–240. Diabasis; Trevisani, T. (2010) *Land and Power in Khorezm: Farmers, Communities, and the State in Uzbekistan’s Decollectivisation*. Berlin: Lit Verlag; Zanca, R. (2011) *Life in a Muslim Uzbek Village: Cotton Farming after Communism*. Boston: Wadsworth, Cengage Learning.

ваны. Однако гарантий успеха никогда не было, и существовало множество обстоятельств, которые могли превратить возможный успех в провал и вывести его за рамки дозволенного. Риск и двойственность всегда оставались неизбежными атрибутами борьбы за хлопок.

«Хлопковое дело» в планах Кремля

В момент наивысшего пика могущества Ахмаджона Адылова, на рубеже 1982 и 1983 гг., внезапно произошла радикальная смена ситуации. Сначала умер советский глава Леонид Брежнев, а вскоре — узбекский лидер Шараф Рашидов. Новый генсек Юрий Андропов посчитал, что прежнее, слишком автономное и плохо контролируемое положение в Узбекистане подрывает контроль Кремля в регионе. Уже весной 1983 г. в Москве было принято решение о расследовании злоупотреблений в республике, а в 1984 г. в Узбекистане развернула работу посланная туда и набранная из представителей других регионов следственная комиссия во главе с прокурорами Тельманом Гдяном и Николаем Ивановым, которая имела беспрецедентные полномочия вести следствие в отношении любых чиновников республики. В Узбекистане началась массированная замена политической и хозяйственной элиты³⁵. Следователи обвинили чиновников Узбекистана, в частности, в ложном завышении объемов произведенного хлопка, получении неоправданных доходов из центра и их личном присвоении. Москва разорвала прежний «хлопковый контракт».

«Хлопковое дело» продолжалось пять лет, были арестованы и осуждены сотни чиновников республиканского, областного и более низкого уровня, два чиновника были приговорены к смертной казни, несколько человек, по официальной версии, сами покончили с собой. Прежний руководитель Узбекистана Рашидов посмертно был предан анафеме, а время его правления было объявлено «рашидовщиной».

35. Ligachev, E. (1990) *Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev*, pp. 210–220. Routledge.; Critchlow, J. (1991) “Prelude to Independence”: How the Uzbek Party Apparatus Broke Moscow's Grip on Elite Recruitment”, in W. Fierman (ed.) *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, pp. 131–156. Boulder, Colorado: Westview Press; Cucciolla, R. M. (2017) “Legitimation through Self-Victimization: The Uzbek Cotton Affair and its Repression Narrative (1989–1991)”, *Cahiers du monde russe* 58(4): 639–668.

Падение с высоты прежних героев было стремительным. Адылов вместе с ближайшими родственниками был арестован уже в 1984 г., еще в самом начале «хлопкового дела». Задержание было обставлено как масштабная спецоперация, пожарными машинами были блокированы дороги, сотни милиционеров расположились в населенных пунктах, в небе летали вертолеты. Формально обвинение Адылову не было в компетенции следственной группы, которая занималась коррупцией по «хлопковому делу». Он был арестован за угрозы в адрес партийных лиц, в частности местному секретарю областного комитета компартии, потом к этим обвинениям добавились хищения. Однако и это расследование ставило своей задачей не просто осуждение одного уголовного преступника, а вскрытие целой системы нарушений, которая включала множество чиновников.

Криминализация деятельности Адылова была исходной точкой для политической его оценки. Как я указывал выше, система управления была двойственной и всегда находилась в зоне риска оказаться в статусе нелегальной и наказуемой. Смена руководства СССР создала новую ситуацию, в которой Москва захотела продемонстрировать свою власть с помощью обвинений прежнего режима в ошибках и даже преступлениях. Адылов, близкий к Рашидову, стал удобной фигурой для этого.

В случае с Адыловым и «хлопковым делом» особенностью такой криминализации был масштаб расследований, который охватил целую республику, и избранная для этого риторика, приписывающая проблемность не отдельным людям, а целому обществу. Следователь при генеральной прокуратуре Свицерский, который стоял во главе расследования «дела Адылова», позднее описывал «организацию, созданную Рашидовым и Адыловым» как «классическую мафию». В его рассказе директор РАПО, который был на порядки ниже Рашидова по официальному статусу, стал «крестным отцом», с которым первый секретарь компартии Узбекистана согласовывал все свои решения. Свицерский описывал, как Адылов жестоко преследовал своих противников, давал указания избивать и пытаться их, сажал в тюрьму по сфабрикованным обвинениям или даже убивал. Вся хозяйственная деятельность «хозяина» или «сталина», как, по словам следователя, сам себя именовал Адылов, была «пропитана криминалом». Эта мафия приобрела, по его мнению, общесоветский размах, «связи Адылова привели в Прибалтику, Сибирь и в Москву», в нее входили, судя по намекам в этом интервью, Брежнев и Суслов, а «Ады-

лов только в Москве затратил на подарки и взятки более ста тысяч рублей», которые предназначались «лицам» в министерских, ведомственных аппаратах и даже в средствах массовой информации. «Этот не блещущий грамотностью и культурой человек с повадками басмача более всего ценил информацию», — удивлялся следователь. В этом интервью прозвучала ориенталистская риторика, когда Свицерский сравнил Адылова с басмачом и ханом, но в целом оно было выдержано скорее в духе героической борьбы с мафиозным кланом³⁶.

Хотя эти слова прозвучали публично лишь в 1990 г., я предполагаю, что они характеризуют те объяснения, которые доминировали в «хлопковом деле» в 1984–1986 гг. Тогда деятельность Адылова была обозначена как нарушение законов и отклонение от правильного социализма, что было элементом перезаклочения контракта между Москвой и Ташкентом. Впрочем, настроения в центре по поводу происходящего на советской окраине были порой гораздо более пессимистичными: в 1984 г. после одного из докладов в секретариате ЦК КПСС о состоянии дел в Туркменской ССР сотрудник партийного аппарата Черняев записал в своем дневнике «И приходят в голову невеселые идеи: а не послать ли всех этих туркмен вместе с таджиками, узбеками, эстонцами и прочими к еб... матери: пусть самостоятельно делают с собой что хотят!»³⁷.

Конец социализма в Центральной Азии

В 1988 году о массовых уголовных преследованиях в Узбекистане узнал весь СССР. 23 января в главной советской газете «Правда» появилась статья Георгия Овчаренко «Кобры над золотом», которая потрясла читателей рассказом о «рашидовщине» и «хлопковой афере», «об отходе областных и республиканских “вождей”, этих эмиров сегодняшнего дня, от социализма, о попрании ими всех норм закона и морали», о том, как они «привели республику в состояние медленного и мучительного гниения», о наемных убийцах и многомиллионных хищениях, спрятанных в сумках

36. Бинев А. Пять лет ведется следствие по делу А. Адылова. Товарищ «крестный отец» // Аргументы и факты. 05.05.1990.

37. Черняев А. С. Совместный исход: Дневник двух эпох (1972–1991 годы). М.: РОСС-ПЭН, 2010. 1984 год. С. 49.

и сундуках баснословных состояниях³⁸. Вместе со статьей «Зона молчания», которая вышла в «Литературной газете» на три дня раньше, они произвели эффект разорвавшейся информационной бомбы. Вынесение «хлопкового дела» на широкое общественное обсуждение, уже по прошествии пяти лет уголовных расследований, теперь служило уже не только средством заключения нового «хлопкового контракта», то есть переопределения социальных формальных и неформальных договоренностей между Кремлем и Ташкентом, как планировал, видимо, Андропов, и попыткой создать новую сеть клиентов и лояльностей. «Хлопковое дело» стало в этот момент важным элементом публичного языка говорения о радикальном обновлении социализма, амбициозную программу которого объявил последний советский руководитель.

В этой новой публичной интерпретации критика Адылова с сугубо криминальной перешла в общественную. Автор статьи в «Литературной газете» Соколов противопоставлял экономическую гигантоманию и лозунговость проектов развития, с одной стороны, и жизнь простых людей, вынужденных работать без отпусков и выходных на бессмысленных стройках, находящихся постоянно под угрозой наказаний и несправедливости, ведущих скромный и бедный быт. Свое понимание социализма он переносил с «масштабов» и «объемов» на судьбу отдельных людей в Центральной Азии, жизнь которых не изменилось при социализме. Это противопоставление автор усиливал подчеркнутой ориентализацией фигуры Адылова, что было риторическим приемом, с помощью которого положение дел в регионе становилось «прошлым», которое так и не смогло войти в социалистическую современность. В статье упоминается арест отца Адылова за связь с «курбаши», т.е. с антисоветским исламистским сопротивлением, сам Адылов описывается как хан, считающий себя потомком средневекового правителя Тимура, при этом обильно употребляются эпитеты «царство», «бай», «хан», «самодержец», «удельный князь», «владыка», упоминаются «нукеры» и призывы «Аллах акбар».

Одним из главных образов статьи стал «зиндан», подземная тюрьма, которую в досоветском прошлом использовали местные властители для заключения преступников: «Наверху... сияет под ослепительным ферганским солнцем крашенная под серебро фигура Владимира Ильича. Сияла статуя, на знамени республики

38. Овчаренко Г. Кобры над золотом // Правда. 23.01.1988.

символом успехов в строительстве социализма, сиял все удлиняющийся ряд орденов, в Папском объединении, утверждала печать, выковывалась новая модель хозяйства — не только для Узбекистана новая, но и для всей страны. А в зиндане, традиционной для ханского Востока подземной тюрьме, под дирекцией ПАПО ворочался на земляном полу голый, изувеченный, перемазанный кровью и глиной Джаббарали, отказавшийся быть в храме счастья бригадиром».

Черты инаковости социализма Центральной Азии, которые могли рассматриваться прежде как местные национальные особенности, теперь оказались удобным поводом для развернутой критики. Этот «другой социализм», наполненный своей национальной, ориентализированной культурной и исторической спецификой, был обвинен в итоге в том, что не является социализмом и настоящим прогрессом. При этом осознание того, что социализм не удался на «Востоке», позволило сформулировать тезис о неудаче социалистического пути как самостоятельной и цельной альтернативы в глобальном мире. Разоблачение несостоятельности центральноазиатского социализма делало виноватым и социализм в целом, ставило под вопрос весь социалистический прогресс. В апреле 1988 г. генсек Михаил Горбачев совершил поездку в Узбекистан, где на переговорах с афганской делегацией было принято решение о выводе войск из Афганистана. Эту поездку инициатор перестройки использовал для встреч с местными жителями и чиновниками. Тогда же он заявил, что перестройка — это революция, ее целью является возобновление процесса строительства настоящего социализма. Помощник Горбачева вспоминал, что возвращался обратно в Москву генсек довольный тем, что «„реабилитировал“ целый народ от пятна и презрения из-за рашидовщины»³⁹. Это означало поворот от критики дел в одной советской республике к более решительной критике положения дел в СССР в целом.

Уже в июне в «Огоньке» появилась статья «Противостояние» за авторством Гдляна и Иванова, следователей по особо важным делам, которые возглавляли большинство уголовных дел в Узбекистане⁴⁰. Повторив тезис о том, что «сверху — от бывшего первого секретаря ЦК КП Узбекистана, бывшего кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС Рашидова — и донизу, до председателя

39. Черняев А. С. Совместный исход. 1988 год. С. 18.

40. Гдлян Т., Иванов Н. Противостояние / Огонек. 1988, № 26.

колхоза» была создана «вертикаль преступной структуры», авторы заключают, что «без покровительства из центра это было бы невозможно». Мишенью стал теперь строй в целом, а не только ее «восточная часть».

В августе того же года 1988 г. «Литературная газета» опубликовала вторую статью Соколова «Молчать не будем», посвященную «делу Адылова», с множеством откликов читателей⁴¹. Автор сохранил ориенталистскую логику дезавуирования социалистических успехов, но включил в нее весь Советский Союз. Цитата из одного читательского письма звучала так: «Партбай подотчетен только вышестоящему партийному руководителю, который в своих пределах такой же бай, а то и эмир, и потому они прекрасно понимают друг друга. Недаром эмир Рашидов дружил с баем Адыловым, да и хан Брежнев здесь тоже руку приложил. Все это рецидивы сталинизма». В статье акцент переставлялся с критики центральноазиатского социализма на критику советского социализма. Например, письмо, подписанное «семья Быковых», начиналось со слов «Вечером читали вслух всей семьей. Настроение подавленное. Страшно» и продолжало: «...низкий поклон редакции за эту статью. Думаю, что она станет поворотной в честном анализе истории нашей страны, в признании того, что под видом коммунизма у нас строилось нечто совсем другое». Журналист подводил итог: «на территории бывшего ПАПО имени Ленина, где деформация социализма оказалась трагически глубока, нужно не привычные формы восстанавливать, а строить все заново, по-другому».

Вторая статья Соколова с откликами читателей отсылала к проведенной в июне того же года 19-й конференции компартии СССР, на которой Горбачев провозгласил демократизацию и гласность, по сути дела новые радикальные политические реформы⁴². Риторика неудачи центральноазиатского социализма была, таким образом, вписана в новую политическую повестку и была обращена уже не к самой Центральной Азии, а ко всему советскому обществу. Отдельные недостатки сначала превратились в критику социализма восточной советской периферии, которая затем трансформировалась в критику социализма в це-

41. Соколов В. Молчать не будем! Почта статьи «Зона молчания» // Литературная газета. 03.08.1988.

42. XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М.: Политиздат, 1988.

лом. Такой разворот в итоге привел к тому, что внимание к плачевной ситуации в самой Центральной Азии стало постепенно угасать и перенаправляться на другие сюжеты и регионы. В следующем 1989 г. расследование «хлопкового дела» завершилось, Гдлян и Иванов были уволены из прокуратуры, а все та же «Литературная газета» на этот раз разоблачила их собственное репрессивное беззаконие⁴³. После летних трагических «ферганских событий» с погромами и убийствами⁴⁴ первым секретарем компартии Узбекистана был назначен Ислам Каримов, при котором «хлопковое дело» получило статус незаконных политических репрессий и стало использоваться в дистанцировании республики от занятой внутренними конфликтами Москвы.

Капитализм в одном отдельно взятом кишлаке: заключительные ремарки

Тезис о провале центральноазиатского социализма сформировал во второй половине 1980-х гг. в Кремле у части политической элиты идею исключить Центральную Азию как мешающую России правильно развиваться, сбросить с себя это «бремя». Неслучайно уже в 1989–1991 гг. целый ряд общественных деятелей, например Солженицын, выступает с предложением отделиться от Центральной Азии как чуждого региона, а в частных разговорах будущих российских реформаторов эпохи Ельцина звучало, что Узбекистан — «это другой мир, другая планета, другой состав атмосферы... другая жизнь»⁴⁵. Распуск СССР в конце 1991 г. оформил эти настроения в политический выбор.

Вернусь ненадолго к постсоветской биографии Ахмаджона Адылова. Суд над ним начался только в 1991 г., когда интерес к «хлопковому делу» уже угас. В ноябре этого года, прямо накануне распада СССР, подсудимого перевезли в Узбекистан для продолжения судебного процесса, а там почти сразу отпустили из-под ареста. Адылов, используя свою известность как жертвы Москвы, попытался участвовать в политике уже в независимом

43. Чайковская О. Миф // Литературная газета. 24.05.1989.

44. Осипов А. Г. Ферганские события: конструирование этнического конфликта // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. С. 164–223.

45. Солженицын А. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М.: Правда, 1990. С. 6; Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. Альпина Диджитал, 2013. С. 107.

Узбекистане, который начинал выстраивать свое прошлое заново, дистанцируясь от Москвы и советского режима. Следуя уже за новым языком политического момента, бывший герой социалистического труда описывал себя как антикоммуниста. В своих интервью, отвечая на обвинения в архаике, он попытался перевернуть критику в обратную сторону. Описывая советский режим как тупиковый и репрессивный, Адылов сам себя стал изображать тем человеком, который давно разочаровался в коммунизме и стал предвестником более передовой, но теперь уже капиталистической, формы экономики. В речах его и его сторонников звучали слова о том, что он «строил капитализм в одном отдельно взятом кишлаке», разрушал «доживающий свой век социализм» и строил «демократический капитализм с великим будущим», что он был «пострадавшим борцом за социальный прогресс», что именно его арест привел к деградации экономики, усилению воровства и бедности⁴⁶. Эта аргументация, правда, не принесла ему политического успеха. В 1993 г. при президенте Исламе Каримове, бывшем последнем первом секретаре коммунистической партии Узбекистана, Адылов был опять арестован и осужден по новым обвинениям. Ему несколько раз продлевали срок и вышел он на свободу только в 2008 г.. В 2017 г. Адылов, пережив Каримова, умер в возрасте 92 лет.

Споры о том, была ли трансформация, охватившая Центральную Азию в прошлом столетии, успешной или тупиковой, начались еще в позднесоветское время и, вероятно, продолжатся в будущем, хотя СССР уже давно нет. Я использовал историю критики деятельности одного, прежде влиятельного, узбекского чиновника в 1988 г., чтобы показать трансформацию аргументов и образов, которые использовались советской пропагандой для его восхваления как героя социалистического прогресса и потом осуждения как примера антисоциалистической архаики. Поначалу это обсуждение «дела Адылова» было связано с прагматической целью пересмотреть отношения между Москвой и периферией, переделать «контракт» между ними, заменить одни фигуры другими и создать новую клиентскую сеть лояльности и обязательств. Однако в конце 1980-х гг. негативный образ Адылова стал поводом для радикального пересмотра оценок советского порядка, слома авторитетного дискурса и критики социализма в целом, ко-

46. Адылов: я строил капитализм в одном отдельно взятом кишлаке // Коммерсантъ-Власть. 22.04.1991.

торому теперь стали приписываться «восточность» и архаичность, свойства, противоположные модерну.

Таким образом, «дело Адылова» позволило запустить в общесоветскую дискуссию образ «воображаемого Востока», не способного и не сумевшего создать у себя подлинный социализм. Несмотря на то, что в советское время жители Центральной Азии получили значительный опыт эмансипации и реформ, широкие возможности для выражения своих интересов и создания собственных интерпретаций того, что такое социалистический прогресс, их мнения оставались периферийными и уязвимыми. Центр не хотел терять своего привилегированного положения по отношению к этому советскому Другому, которого нужно было воспитывать, контролировать и наказывать. Такое неравное положение стало в момент перестройки, объявленной Михаилом Горбачевым, удобным условием для воссоздания «господствующей фигуры», наделенной правом пересмотра дискурсивного режима социализма. Ориенталистические клише такой критики, опробованные в обсуждении «дела Адылова» и «хлопкового дела», стали инструментами для осуждения всего советского социализма и его последующего демонтажа.

Библиография / References

- Абашин С. Н. «Идеальный колхоз» в советской Средней Азии: история неудачи или успеха? // *Acta Slavica Iaponica*. 2011. Vol. XXIX. С. 1–26.
- Авен П., Кох А. Революция Гайдара: История реформ 90-х из первых рук. Альпина Диджитал, 2013.
- Адылов: я строил капитализм в одном отдельно взятом кишлаке // *Коммерсантъ-Власть*. 22.04.1991.
- Аҳмаджонов А. Аҳмадҷон Одилов: мардлик қонуни [Ахмаджон Адылов: закон для мужчин]. Тошкент: Bodomzor Invest, 2022 (на узб. яз.).
- Бинев А. Пять лет ведется следствие по делу А. Адылова. Товарищ «крестный отец» // *Аргументы и факты*. 05.05.1990.
- Вишневский А. Средняя Азия: незавершенная модернизация // *Вестник Евразии*. 1996. № 2. С. 131–153.
- Гдлян Т., Иванов Н. Противостояние / Огонёк. 1988. № 26. С. 27–28.
- Дэвид-Фокс М. Модерность в России и СССР: отсутствующая, общая, альтернативная или переплетенная? // *Новое литературное обозрение*. 2016. № 4. С. 19–44.
- Исмаилов Х. Хашар и его роль в трудовом и интернациональном воспитании масс // *Общественные науки в Узбекистане*. 1983. № 2. С. 24–26.
- Калиновская Д. Закон для мужчин // *Литературная газета*. 17.03.1982.
- Каррер д'Анкосс Э. Расколотая империя: национальный бунт в СССР. Лондон: Overseas publications interchange LTD., 1982.

- Маслов А. Девять этажей рентабельности // Огонек. 1983. № 34. С. 16–18.
- Мукимов Ю., Степаненко О. Объединение. Быть на земле хозяином // Правда. 24.01.1983; 25.01.1983.
- Отварченко Г. Кобры над золотом // Правда. 23.01.1988.
- Осипов А. Г. Ферганские события: конструирование этнического конфликта // Ферганская долина: этничность, этнические процессы, этнические конфликты. М.: Наука, 2004. С. 164–223.
- Откиров Равшан. Хроника остановленного времени. Фильм 1 (1988 г.) [https://www.youtube.com/watch?v=_7HngzXtXvQ, доступ от 10.11.2023]; Фильм 2 (1988 г.) [<https://www.youtube.com/watch?v=sp-GfbqZIJU>, доступ от 10.11.2023].
- Паҳлавон Содиқ, Аҳмаджон Одилов. Чорак аср туткунликда [Четверть века в неволе] // BBC Uzbek. 06.09.2012 [http://www.bbc.co.uk/uzbek/uzbekistan/2012/09/120906_cy_ahmadjon_odilov_fooc.shtml, доступ от 10.11.2023] (внесен Минюстом РФ в реестр СМИ-иноагентов).
- Поляков С. П. Традиционализм в среднеазиатском обществе. М.: Центральный дом научного атеизма, 1989.
- Постановление ЦК КПСС и Совета министров СССР, 24 мая 1982 г. Об улучшении управления сельским хозяйством и другими отраслями агропромышленного комплекса / Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Сборник документов. Т. 14. М.: Политиздат, 1983. С. 440–448.
- Растяниников В. Г. Узбекистан. Экономический рост в агросфере: аномалии XX века. М.: Институт востоковедения РАН, 1996.
- Саид Э. Ориентализм. М.: Гараж, 2021.
- Соколов В. Зона молчания // Литературная газета. 20.01.1988.
- Соколов В. Молчать не будем! Почта статьи «Зона молчания» // Литературная газета. 03.08.1988.
- Солженицын А. Как нам обустроить Россию. Посильные соображения. М.: Правда, 1990.
- Чайковская О. Миф // Литературная газета. 24.05.1989.
- Черняев А. С. Совместный исход: Дневник двух эпох (1972–1991 годы). М.: РОССПЭН, 2010.
- Шамшаров Й., Тошматов Т. Камолот (Наманган область, Поп район, Ленин номи колхоз тарихи) [Зрелость (История колхоза имени Ленина Папского района Наманганской области)] // История колхозов и совхозов Узбекистана. Кн. 2, Ташкент, 1970. С. 166–230 (на узб. яз.).
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: НЛО, 2014.
- XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза, 28 июня — 1 июля 1988 г.: Стенографический отчет. В 2 т. М.: Политиздат, 1988.
- Abashin, S. (2011) “‘Ideal’nyi kolkhoz’ v sovetskoi Srednei Azii: istoriia neudachi ili uspekha?” [The “ideal collective farm” in Soviet Central Asia: A story of failure or success?], *Acta Slavica Iaponica* XXIX: 1–26.
- “Adylov: ia stroil kapitalizm v odnom ot del’no vziatom kishlake” [Adylov: I was building capitalism in one separate kishlak] (1991), *Kommersant’-Vlast’*. April 22.
- Ahmadzhonov, A. (2022) *Ahmadzhon Odilov: mardlik qonuni* [Akhmadzhon Adylov: law for men]. Toshkent: Bodomzor Invest.

- Akiner, Sh. (1998) "Social and Political Reorganisation in Central Asia: Transition from Pre-Colonial to Post-Colonial Society", in T. Atabaki, J. O'Kane (eds) *Post-Soviet Central Asia*, pp. 1–34. London and New York: Tauris Academic Studies.
- Aven, P. and Kokh, A. (2013) *Revoliutsiia GaIdara: Istoriia reform 90-kh iz pervykh ruk* [Gaidar's Revolution: A Firsthand History of the Reforms of the 1990s]. Al'pina Didzhital.
- Beissinger, M. (2004) *Nationalist Mobilization and the Collapse of the Soviet State*. Cambridge University Press.
- Binev, A. (1990) "Piat' let vedëtsia sledstvie po delu A. Adylova. Tovarithshch 'krestnyi otets'" [The investigation into the case of A. Adylov has been going on for five years. Comrade "the Godfather"], *Argumenty i fakty*, May 05.
- Carrère d'Encausse, H. (1982) *Raskolotaia imperiia: natsional'nyi bunt v SSSR* [Fractured Empire: National Revolt in the USSR]. London: Overseas publications interchange LTD.
- Chaikovskaia, O. (1989) "Mif" [Myth], *Literaturnaia Gazeta*, May 24.
- Chernyaev, A. S. (2010) *Sovmestnyi iskhod: Dnevnik dvukh epoch (1972–1991 gody)* [Joint Exodus: A Diary of Two Epochs (1972–1991)]. Moscow: ROSSPEN, 2010.
- Critchlow, J. (1991) "Prelude to 'Independence': How the Uzbek Party Apparatus Broke Moscow's Grip on Elite Recruitment", in W. Fierman (ed.) *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, pp. 131–156. Boulder, Colorado: Westview Press.
- Critchlow, J. (1991) *Nationalism in Uzbekistan: A Soviet Republic's Road to Independence*. Boulder: Westview Press.
- Cucciolla, R. (2017) *The Crisis of Soviet Power in Central Asia: The Uzbek "Cotton Affair" (1975–1991)*. PhD Dissertation, IMT School for Advanced Studies, Lucca.
- Cucciolla, R. M. (2017) "Legitimation through Self-Victimization: The Uzbek Cotton Affair and its Repression Narrative (1989–1991)", *Cahiers du monde russe* 58(4): 639–668.
- Devid-Foks, M. (2016) "Modernost' v Rossii i SSSR: otsutstvuiushchaia, obshchaia, al'ternativnaia ili perepletënnai? [Russian-Soviet Modernity: None, Shared, Alternative, or Entangled?]", *Novoe literaturnoe obozrenie* 4: 19–44.
- Fierman, W. (1991) "The Soviet 'Transformation' in Central Asia", in W. Fierman (ed.) *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, pp. 11–35. Boulder, Colorado: Westview Press.
- Gdlian, T., Ivanov, N. (1988) "Protivostoianie" [Standoff], *Ogoniok* 26: 27–28.
- Grossman, G. (1997) "The 'Second Economy' of the USSR", *Problems of Communism* 26(5): 25–40.
- Ismailov, Kh. (1983) "Khashar i ego rol' v trudovom i internatsional'nom vospitanii mass" [Khashar and its role in the labor and international education of the masses], *Obshchestvennye nauki v Uzbekistane* 2: 24–26.
- Kalinovskaia, D. (1982) "Zakon dlia muzhchin" [Law for men], *Literaturnaia gazeta*. March 17.
- Kalinovsky, A. M. (2018) *Laboratory of Socialist Development: Cold War Politics and Decolonization in Soviet Tajikistan*, Ithaca: Cornell University Press.
- Kandiyoti, D. (1996) "Modernization without the market? The case of the 'Soviet East'", *Economy and Society* 25(4): 529–542.
- Kassymbekova, B., Chokobaeva, A. (2021) "On writing Soviet History of Central Asia: Frameworks, Challenges, Prospects", *Central Asian Survey* 40(4): 483–503.
- Kotkin, S. (2003) *Armageddon Averted: The Soviet Collapse, 1970–2000*. Oxford University Press

- Ledeneva, A. (1998) *Russia's Economy of Favors: Blat, Networking and Informal Exchange*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Ligachev, E. (1990) *Inside Gorbachev's Kremlin: The Memoirs of Yegor Ligachev*. Routledge.
- Maslov, A. (1983) "Deviat' etazhei rentabel'nosti" [Nine floors of profitability], *Ogoniok* 34: 16–18.
- Mostowlansky, T. (2017) *Azan on the Moon. Entangling Modernity along Tajikistan's Pamir Highway*. Pittsburgh: University of Pittsburgh Press.
- Mukimov, Iu., Stepanenko, O. (1983) "Ob"edinenie. Byt' na zemle khoziaiinom" [An association. To be the master on the ground], *Pravda*. January 24, 25.
- Obertreis, J. (2017) *Imperial Desert Dreams: Cotton Growing and Irrigation in Central Asia, 1860–1991*, Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht.
- Osipov, A. (2004) "Ferganskies sobytiia: konstruirovaniie etnicheskogo konflikta" [Fergana Events: Construction of an Ethnic Conflict], in S. Abashin and V. Bushkov (eds) *Ferganskaia dolina: etnichnost', etnicheskie protsessy, etnicheskie konflikty*, pp. 164–223. Moscow: Nauka.
- Otkirov, Ravshan. *Khronika ostanovlennogo vremeni* [Chronicle of stopped time]. Film 1 (1988 g.) [https://www.youtube.com/watch?v=_7HngzXtXvQ, accessed on 10.11.2023]; Film 2 (1988 g.) [<https://www.youtube.com/watch?v=sp-GfbqZIJU>, accessed on 10.11.2023].
- Ovcharenko, G. (1988) "Kobry nad zolotom" [Cobras over gold], *Pravda*. January 23.
- Pahlavon Sodiq (2012) "Ahmadzhon Odilov. Chorak asr tutqunlikda" [Akhmadzhon Adilov. A quarter of a century in captivity], *BBC Uzbek*. September 06 [http://www.bbc.co.uk/uzbek/uzbekistan/2012/09/120906_cy_ahmadjon_odilov_fooc.shtml, accessed on 10.11.2023, included by the Ministry of Justice of the Russian Federation into the register of foreign media agents.].
- Poliakov, S. (1989) *Traditsionalizm v sredneaziatskom obshchestve* [Traditionalism in Central Asian Society]. Moscow: Tsentral'nyi dom nauchnogo ateizma.
- "Postanovlenie TsK KPSS i Soveta ministrov SSSR, 24 maia 1982 g. Ob uluchshenii upravleniia sel'skim khoziaistvom i drugimi otrasliami agropromyshlennogo kompleksa" [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR, May 24, 1982. On improving the management of agriculture and other sectors of the agro-industrial complex] (1983), in *Resheniia partii i pravitel'stva po khoziaistvennym voprosam. Sbornik dokumentov*, vol. 14, pp. 440–448. Moscow: Politizdat.
- Rasanayagam, J. (2002) "Spheres of Communal Participation: Placing the State within Local Modes of Interaction in Rural Uzbekistan", *Central Asian Survey* 21(1): 55–70.
- Rastiannikov, V. (1996) *Uzbekistan. Ekonomicheskii rost v agrosfere: anomalii XX veka* [Uzbekistan. Economic growth in the agricultural sphere: anomalies of the 20th century]. Moscow: Institut vostokovedeniia RAN.
- Rumer, B. (1991) "Central Asia's Cotton Economy and Its Costs", in W. Fierman (ed.) *Soviet Central Asia: The Failed Transformation*, pp. 62–89. Boulder, Colorado: Westview Press.
- Said, E. (2021) *Orientalizm* [Orientalism]. Moscow: Garazh.
- Shamsharov, I., Toshmatov, T. (1970) "Kamolot (Namangan oblast', Pop raion, Lenin nomli kolkhoz tarikhi)" [Maturity (History of the collective farm named after Lenin, Pap district, Namangan region)], *Istoriia kolkhozov i sovkhozov Uzbekistana*, vol. 2, pp. 166–230. Tashkent.

- Sokolov, V. (1988) "Zona molchaniia" [Zone of silence], *Literaturnaia gazeta*. January 20.
- Sokolov, V. (1988) "Molchat' ne budem!" [Let's not be silent!], *Literaturnaia gazeta*. August 03.
- Solzhenitsyn, A. (1990) *Kak nam obustroit' Rossiiu* [How can we build Russia]. Moscow: Pravda.
- Thurman, J. (1999) "The 'Command-Administrative System' in Cotton Farming in Uzbekistan: 1920s to Present", *Papers on Inner Asia* 32. Bloomington, Indiana: Indiana University Research Institute for Inner Asian Studies.
- Trevisani, T. (2022) "The Moral Economy of Consensus and Informality in Uzbekistan", in J. Buzalka, A. Pasička (eds) *Anthropology of Transformation: From Europe to Asia and Back*, pp.105–130. Cambridge, UK: Open Book Publishers.
- Trevisani, T. (2010) *Land and Power in Khorezm: Farmers, Communities, and the State in Uzbekistan's Decollectivisation*. Berlin: Lit Verlag.
- Vishnevskii, A. (1996) "Sredniaia Aziia: nezavershennaia modernizatsiia" [Central Asia: unfinished modernisation], *Vestnik Evrazii* 2: 131–153.
- Wall, C. (2007) "Peasant Resistance in Khorezm? The Difficulties of Classifying Non-Compliance in Rural Uzbekistan", in P. Sartori, T. Trevisani (eds) *Patterns of Transformation in and around Uzbekistan*, pp. 217–240. Diabasis.
- Yurchak, A. (2014) *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [Everything Was Forever, Until It Was No More. The Last Soviet Generation]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Zanca, R. (2011) *Life in a Muslim Uzbek Village: Cotton Farming after Communism*. Boston: Wadsworth, Cengage Learning.
- Zubok, V. (2021) *Collapse: The Fall of the Soviet Union*. Yale University Press.
- XIX Vsesoiuznaia konferentsiia Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soiuzu, 28 iunია — 1 iulia 1988 g.: *Stenograficheskii otchet* [XIX All-Union Conference of the Communist Party of the Soviet Union, June 28 — July 1, 1988: Verbatim record], vol. 1, 2. Moscow: Politizdat.